

Нашей задачей было обратить внимание на то, что до конца 30-х гг. Рубинштейн выполняет свою роль методолога психологии, развивая принцип единства сознания и деятельности последовательно — в этическом, социологическом и психологическом планах. Его подход можно понять лучше, если вспомнить о взглядах Наторпа на методологическую роль философии. Он считает, что в “ходе доказательств, которым пользуется критическая философия, к логике в непрерывной связи примыкает этика, а только на последнюю должна опираться в своем обосновании педагогика воли. Правда, все это затем подлежит рассмотрению с психологической точки зрения, но такое рассмотрение — ...является производным: оно ничего не обосновывает, а, наоборот, для своего собственного обоснования требует, чтобы наперед были объективно установлены логические, этические и эстетические законы” [14, с. 48].

Из этого видно, что трудно понять концепцию Рубинштейна без историко-хронологического анализа преемственности его идей от Марбургского неокантианства. Наряду с этим, необходимо отметить, что если Е. Кассирер развил идеи этой школы в направлении культурологии, то Рубинштейн сделал это в области психологии. В своей психологической концепции он шел намного вперед по сравнению с взглядами неокантианцев на психологию, в частности, Наторпа.

С этой точки зрения споры в российской психологии о том, кто среди крупных психологов советского периода является пионером, родоначальником или вообще создателем деятельностного подхода в психологии, теряют свой смысл.

Именно Рубинштейн с 1918 года разрабатывал принцип единства сознания и деятельности в качестве подлинного методологического подхода в отношении психологической проблематики, и этим он принципиально отличается от всех своих современников, только упоминавших “деятельность” в ходе проведения своих частных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М., 1991.
2. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна. М., 1989.
3. Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Основные этапы развития концепции С.Л. Рубинштейна // С.Л. Рубинштейн. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.
4. Арсеньев А.С. Десять лет спустя. О творческой судьбе С.Л. Рубинштейна // Вопросы философии. 1998. № 11. С. 43–68.
5. Богомолов А.С. Немецкая буржуазная философия после 1865 года. М., 1969.
6. Бредихина О.Н. С.Л. Рубинштейн: загадка жизни и творчества // Современная психология: исторические, методологические и социокультурные аспекты развития / Под ред. В.А. Кольцовой и Ю. Олейника. М., 1995.
7. Брушлинский А.В. Проблемы психологии субъекта. М., 1994.
8. Брушлинский А.В., Шихирев П.Н. О пользе вечных истин // С. Московичи. Машина, творящая богов. М., 1998.
9. Буржуазная педагогика на современном этапе / Под ред. З.А. Мальковой и Б.Л. Вульфсона. М., 1984.
10. Гордеева О.В. О некоторых ограничениях разработки проблемы сознания в марксистской психологии (на материале трудов С.Л. Рубинштейна) // Вестник МГУ. Психология. 1997. № 3. С. 12–21.
11. Грэхэм Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском союзе. М., 1991.
12. Казанджиев С. Общая психология. С., 1946.
13. Михалчев Д. Форма и отношение. С., 1914.
14. Наторп П. Социальная педагогика. С.-Петербург, 1911.
15. Няголова М.Д. Структурно-генетический подход к изучению психики в трудах А. Валлона и С.Л. Рубинштейна // Дисс. ... канд. психол. наук. М., 1994.
16. Няголова М. Съзнанието и самосъзнанието в трудове на А. Валон и С. Рубинщайн // Трудове на ВТУ “Св. св. Кирил и Методий”. Педагогически факултет 1990–1991. 1996. № 3. С. 217–239.
17. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. История психологии. М., 1994.
18. Психология и новые идеалы научности (круглый стол) // Вопросы философии. 1993. № 5.
19. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А.В. Брушлинского. М., 1997.
20. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М., 1973.
21. Рубинштейн С.Л. Очерки. Воспоминания. Материалы. М., 1989.
22. Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена // Историко-философский ежегодник. 1992 г. М., 1994.
23. Рубинштейн С.Л. Избранные философско-психологические труды. М., 1997.
24. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1998.
25. Философская энциклопедия. М., 1964. Т. 3.
26. Payne T.R. S.L. Rubinstein and the philosophical foundations of Soviet psychology. Dordrecht, 1968.
27. Piaget J. Psychologie et pedagogie. Paris, 1976.
28. Vasilev D. On the understanding of the psychic structure of Man / Personality Psychology in Europe / eds. Han Bonarius, G. Van Heck, N. Smid. Lisse, 1984.
29. Vasilev D. The Crisis in Psychology and Its Russian Dimensions / Post-Soviet Perspectives on Russian Psychology / Eds. A. Gilgen, C. Gilgen, V. Koltsova, Y. Oleinik. Greenwood Press, 1996.

ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРЕННЕГО МИРА ЧЕЛОВЕКА МЕТОДОМ АНАЛИЗА ХАРАКТЕРИСТИК МЫСЛИ И ОБРАЗА*

© 1999 г. Т. Н. Березина

Канд. психол. наук, доцент Института современного бизнеса, Москва

Предлагается оригинальный подход к описанию психических состояний человека на основе разработанного автором метода анализа формальных характеристик мышления. Изучены пространственно-временные характеристики мысленных образов и определены местоимения, употребляемые во внутренней речи по отношению к себе (я или ты) и к другому (я, ты, он/она, имена). С помощью факторного анализа выделено семь различных состояний, часто наблюдаемых у испытуемых студенческой выборки: самовыражение эго (размышление о себе в настоящем времени), размышление о другом, фиксация на себе с преобладанием необъективированных мысленных образов, планирование будущего, фиксация на препятствии (чувство одиночества), чувственное наслаждение миром, фантазии. Показана возможность перехода психологической информации из образной сферы в вербальную и наоборот. Предложено существование наряду с дивергентным мышлением дивергентного чувствования.

Ключевые слова: психические состояния, мышление, внутренняя речь, местоимения, мысленные образы.

Внутренний мир человека – одна из самых сложных, плохо поддающихся определению категорий психологии, поскольку трудно выразить все многообразие субъективной психической реальности в рамках какой-то одной теории.

С одной стороны, автор данной работы придерживается точки зрения В.Н. Дружинина, предложившего категорию “внутренний мир субъекта” и разделяет его мнение о выделении четырех составляющих психического. Это – сознание, регулирующее поведение; подсознание, также регулирующее поведение; бессознательное, никак не проявляющееся в поведении; и *внутренний мир субъекта*. По определению, “внутренний (не проявляющийся непосредственно в поведении) субъективный мир – это все богатство мыслей, образов, чувств, грез, сновидений, которые даны только переживающему их индивиду. Единственный источник и получатель знаний о них – сам человек. Другие должны принимать на веру его самоотчет” [17, с. 111]. С другой стороны, автор разделяет взгляды исследователей, подчеркивающих социальность психики (К.А. Абульханова-Славская, В.Н. Мясищев, Г. Салливан). Создатель межличностной теории психиатрии Г. Салливан утверждал, что социальны все психические процессы, а личность формируется преимущественно в ходе межличностных психических событий [28]. При этом внутренний мир индивидуума закономерно включает в себя образы других людей и

проявляется, главным образом, во взаимодействии с ними. Эти другие не обязательно должны быть реальными людьми, они могут быть литературными героями, далекими предками или нерожденными потомками; “даже сновидения межличностны, так как обычно отражают отношения сновидца с другими людьми” [22, с. 166]. Согласно К.А. Абульхановой, внутренняя жизнь личности строится на основе трех видов отношений: к себе, к другому и ожидаемых отношений других к себе [1].

Таким образом, внутренний мир, все богатство мыслей и чувств индивида, с одной стороны, субъективен, поскольку принадлежит только тому, кто их переживает, а с другой – социален, поскольку включает в себя (в мысли, чувства, фантазии) образы других людей.

Кроме того, внутреннюю жизнь человека связывают с течением психических процессов. При этом и само психическое есть процесс (С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский), и, в свою очередь, все психические процессы в совокупности образуют внутренний мир личности. Наиболее важными здесь являются процессы мышления. Рубинштейн выделял абстрактно-теоретическое и наглядно-образное мышление, полагая их компонентами единого мыслительного процесса: “...не только понятие, но и образ выступают на всяком, даже самом высшем, уровне мышления” [19, с. 390]. Так, выделяются две важнейшие составляющие психического – мысль и образ, единство которых определяет многообразие внутренней жизни

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (код 97-06-08089).

ни личности. При этом мысль обычно понимается как вербальная составляющая психического: "...мысль не существует без языковой оболочки, которую она получает в речи" [20, с. 109]. А образы связываются с течением более глубинных малоосознаваемых процессов: "...образы – язык неосознаваемого" [14, с. 47].

Внутренний мир человека – размышления, фантазии, сновидения – существует либо в чувственно-образной форме (образы других людей, сопровождающиеся переживанием определенных чувств), либо в виде внутренней речи, либо чаще всего в сочетании того и другого (образы, сопровождающиеся внутренней речью, и внутренняя речь, иллюстрирующая сама себя образами).

Традиционным способом получения информации о внутренних психических процессах являются методы интроспекции. Возникшие одновременно с психологией, они неоднократно подвергались сильнейшей критике и заменялись на более научные методы. Главная критика была направлена на чрезвычайную субъективность интроспекции. "Каждый испытуемый описывает свои собственные впечатления или переживания, которые очень редко совпадают с впечатлениями следующего испытуемого... И что еще хуже – ощущения одного и того же человека варьируют день ото дня; то, что ему казалось приятным в понедельник, может стать скучным во вторник и откровенно неприятным в среду" [13, с. 65]. Однако поскольку внутренний мир человека представлен ощущениями только создающей его личности, не существует иного способа заглянуть "в глубь психических процессов", кроме как попросить сделать это самого переживающего индивида. Но вопрос в другом: что именно принять за точку отсчета, какие единицы анализа психического выбрать, чтобы, с одной стороны, они были бы субъективны, а с другой – их можно было бы использовать для сравнения различных психических состояний одного индивидуума и психических состояний разных людей.

Л.С. Выготский выделил обобщенные единицы психического для мышления и речи. Это – *значения слов* и *смыслы*. Значение отражает объективные параметры внешнего мира, а смыслы – субъективные, поскольку они являются результатом выбора субъектом из всей системы значений именно тех, которые соответствуют его внутренним потребностям и мотивам [12, т. 2]. М.М. Бахтин (в работе, изданной под псевдонимом В.Н. Волошинов), анализируя внутреннюю речь, предложил выделять в качестве ее единицы целостную структуру наподобие абзаца в письме, представляющую собой отдельное высказывание, аналогичное высказыванию в диалоге [11].

По мнению Т.Н. Ушаковой, единицами психического, выражаемого в речи, могут служить ин-

тенции – намерения говорящего, поскольку "первичными в развитии языка и его функционировании оказываются "внутренние" психологические состояния, которые и представляют для субъекта "смыслы". Они составляют корень речи при выражении мысли с помощью слов" [21, с. 108]. Признавая первичность за психологическими состояниями, автор данной статьи в предыдущих своих работах [4–7] предложила использовать в качестве возможных универсальных проявлений таких состояний некоторые формальные характеристики процессов мышления, т.е. особенности репрезентации вербальной и образной информации, а не собственно содержание переживаемого, которое уникально у каждого человека.

Высказанное мнение совпадает с точкой зрения многих исследователей. Так, Б.Ф. Ломов и Л.М. Веккер, изучая субъективную психическую реальность человека, предложили анализировать чувственные образы как изображения, выделяя в качестве основных показателей объективированность образа, его размерность и др. [10]. Создатели нового направления в психотерапии – НЛП – Р. Бендлер и Д. Гриндер выделили "формальные единицы психического" для образной сферы человека (размер, форма, цвет и др.) и для внутренней речи (темп, озвученность, громкость и др.) [2, 3]. Н.Ю. Григоровская использовала некоторые формальные характеристики пространственных образов времени (круг, прямая, спираль) для выделения типологических особенностей личности [15].

В предыдущих работах [4–7] для анализа образной сферы был использован ряд формальных характеристик, предложенных в НЛП. Для анализа же внутренней речи в качестве такого рода характеристик предложено выделять местоимения (*я, ты, мне/меня, мы*), с помощью которых внутри психики индивидуума, с одной стороны, моделируются межличностные отношения, а с другой – формируется сложная Я-концепция [5].

Однако в большинстве исследований, в том числе и в предыдущих работах автора статьи, чувственные образы и внутренняя речь анализируются по отдельности, что снижает полноту описания психических состояний внутреннего мира человека, поскольку в его реальных проявлениях (фантазиях, размышлениях, сновидениях) чаще представлены одновременно и образы, и внутренняя речь. Существование взаимосвязи между образной и вербальной сферами подтверждается данными современной нейропсихологии, в которой постулируется связь мысли и образа, исходя из "наличия некоторых общих психологических механизмов нарушения вербальных и невербальных (образных) компонентов в процессе мышления при локальных поражениях мозга" [23, с. 239]. В рамках концептуально-пропозицио-

нальной гипотезы такая взаимосвязь возможна вследствие того, что в памяти хранятся интерпретации событий, а не сами образы [25]. По мнению З. Пилишина, существуют некоторые общие неосознаваемые репрезентации, представляющие информацию в памяти (более абстрактные, чем чувственные образы или мысленная речь), своеобразный “язык психического”; такие репрезентации объясняют тот факт, что человек может легко переходить от одной формы представления информации к другой [27].

Поэтому в данном исследовании у группы респондентов фиксировались показатели и образной, и вербальной составляющей.

ГИПОТЕЗА. Мы предположили, что формальные характеристики психических процессов вербального и образного мышления являются своеобразным отражением внутренней жизни индивида, а их сочетание с показателями взаимодействия с миром даст нам возможность схематически описывать текущие психические состояния. В свою очередь, это позволит выделить наиболее распространенные психические состояния в нашей выборке, а также в перспективе определять текущее состояние индивида по особенностям представления им мысленных образов и особенностям внутренней речи, сравнивать его состояние сегодня с состояниями, переживаемыми им вчера, и с состояниями других людей. Возможна связь таких состояний с другими психическими проявлениями (интеллектуальной и творческой активностью), с определенными видами ментальной деятельности (составлением планов, фантазиями и т.д.).

Целью данной работы является описание состояний внутреннего мира личности на языке формальных характеристик образной сферы и внутренней речи.

МЕТОДИКА

ИСПЫТУЕМЫЕ. В экспериментах принимали участие 65 чел. (25 мужчин и 40 женщин); из них 44 чел. (в возрасте от 17 до 26 лет) получали первое, а 21 чел. (в возрасте 25–50 лет) – второе высшее образование в экономическом вузе.

1. *Исследование вербальных компонентов мышления.* Для оценки частоты употребления местоимений во внутренней речи испытуемым предлагалось два задания.

Первое: записать свои мысли на специальном опросном листе в виде прямой речи (по 5–7 предложений на каждую из 5 тем: мысли детского возраста, мысленная критика самого себя, мысленное одобрение самого себя, мысли о значимом другом, мысленное планирование будущего разговора с кем-либо – всего 25–35 предложений).

Второе: записать на специальном опросном листе, что *думают* персонажи рисуночного теста Розенцвейга (по 5–7 предложений на каждую из тем: что думает

1-й персонаж в момент происходящего, что думает 2-й персонаж в момент происходящего; что думает 1-й персонаж некоторое время спустя, что думает 2-й персонаж некоторое время спустя; мысли 1-го персонажа в детстве, мысли 2-го персонажа в детстве – всего 30–42 предложения).

Далее к текстам применялся контент-анализ как метод выявления и оценки специфических характеристик текста. В соответствии с целями исследования за единицы смыслового содержания были взяты употребившиеся в речи местоимения: 1) местоимение *я*; 2) общее количество местоимений *ты (вы)*; 3) местоимение *ты*, употребленное по отношению к самому себе; 4) местоимение *ты*, употребленное по отношению к другому человеку; 5) падежные варианты местоимения *я* – *мне/меня*; 6) местоимения *мы*; 7) собственные имена.

2. *Взаимодействие с миром.* На основе рисуночного теста Розенцвейга оценивались особенности психологических реакций субъекта на фрустрационную ситуацию. Давалась суммарная оценка по описаниям “что думает 1-й персонаж в момент ситуации” и “что думает 2-й персонаж в момент ситуации”. Оценивалась выраженность у каждого испытуемого шести классических реакций на фрустрацию: эмпунитивной (направленной на внешнее окружение), инпунитивной (направленной на себя), импунитивной (несубъектой, направленной на ситуацию); направленной на препятствие, на защиту (обвинение), на достижение цели (удовлетворение потребностей).

3. *Исследование образной сферы.* На основе нашей методики [4] у испытуемых строилась образная модель жизненного пути. Им предлагалось представить несколько мысленных образов (в виде изображений) своего прошлого, настоящего и возможного будущего, а потом описать свои образы по предложенной экспериментатором схеме. В частности, для дальнейшего анализа использовались следующие параметры: 1) ассоциация/диссоциация образа: представляет ли испытуемый изображение себя в образе (диссоциированные образы) или только картину окружавшей его обстановки (ассоциированные образы); 2) изменение субъективного размера образов будущего: размер увеличивается – расходящаяся линия будущего, размер уменьшается – сходящаяся линия будущего; 3) в какой именно области пространства воображения представляются образы: вокруг испытуемого в виде панорамы (панорамные образы), расположенными “внутри головы” испытуемого (необъективированные образы) и др.; 4) структура последовательности образов будущего: образы представляются расположенными один за другим (структурированное будущее), образы представляются бессистемно, в различных областях пространства воображения (неструктурированное будущее); 5) “сцепление” между образами будущего: если при попытке мысленно “подвинуть” один из образов остальные движутся за ним – образы “сцеплены”, если остаются неподвижными – “сцепление” отсутствует. Испытуемый сам оценивал эти параметры образной сферы и сообщал о них экспериментатору.

4. *Самооценка испытуемыми особенностей своего мышления.* Для этого им предлагалось оценить в баллах (от 0 баллов – практически никогда до 4 баллов – практически постоянно) частоту употребления в речи местоимений (*я, ты к себе, ты к другим, они (он, она),*

мне/меня, имена, предложения без местоимений), степень развития у себя вербальной и образной сфер, частоту мысленной критики себя, мысленного одобрения себя, различных форм мысленной речи (монолог; мысленный разговор с собой; рассказ, ни к кому конкретно не обращенный; диалог; рассказ, обращенный к конкретному лицу; рассказ другого человека о себе кому-то третьему).

ОБРАБОТКА РЕЗУЛЬТАТОВ. Обработка содержания текстов осуществлялась с помощью контент-анализа. Оценка связи между частотой употребляемых местоимений в собственных мыслях и мыслях персонажей Розенцвейга, а также связи между реальным употреблением местоимений и собственной самооценкой определялась по коэффициенту ранговой корреляции Спирмена. Далее из всех полученных данных была сформирована матрица "переменные-объекты" и проведен факторный анализ наших результатов. Для статистической обработки использовалась программа STADIA.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Корреляционный анализ. Результаты представлены в табл. 1 и 2. Надежность предложенного нами метода анализа психических состояний, осуществляемого с помощью оценки особенностей вербальной сферы, была подтверждена показателями корреляционного анализа повторяемости выделенных местоимений в разных текстах одного и того же испытуемого и связи с осознанной самооценкой. Так, испытуемые, употребляющие

местоимения 2-го лица *ты* по отношению к себе и *ты* по отношению к другому в своих мыслях, воспроизводят такие же отношения в мыслях персонажей теста Розенцвейга (коэффициенты корреляции 0.8 ($p = 0$) и 0.6 ($p = 0$)). Аналогично получен высокий уровень корреляции между употреблением местоимений 2-го лица во внутренней речи и сознательной самооценкой этого факта: для обращения на *ты к себе* $r = 0.6$ ($p = 0$) и для обращения на *ты к другим* $r = 0.3-0.4$ ($p < 0.0006$). Наиболее низкая степень корреляции получена для местоимений 1-го лица (*я, мне/меня, мы*): в среднем она равна 0.3; но в некоторых случаях связь присутствует только на уровне тенденции.

Факторный анализ. После вращения результатов факторного анализа варимакс-методом с применением преобразования Кайзера было выделено семь основных факторов.

Процент объясняемой дисперсии факторов: 1-й – 14.6%; 2-й – 10.25%; 3-й – 8.6%; 4-й – 6.7%; 5-й – 6.6%; 6-й – 6.2%; 7-й – 5.0%. Факторные нагрузки по каждому из факторов приведены в табл. 3.

1-й фактор – самовыражение эго. Самое распространенное состояние нашей психики.

В вербальной сфере. Характеризуется повышенной частотой употребления местоимения *я* (факторная нагрузка 0.73) в мысленной речи; также употребляются все другие формы *я* (падеж-

Таблица 1. Сводные данные употребления местоимений в двух текстах и коэффициенты корреляции между ними

Местоимения	Частота употребления в собственных мыслях	Частота употребления в тесте Розенцвейга	Коэффициент корреляции
Я	6.2 ± 0.41	7.2 ± 0.50	0.2
Ты суммарное	1.3 ± 0.23	1.4 ± 0.26	0.6 ($p = 0$)
Ты к себе	0.7 ± 0.97	0.8 ± 0.18	0.8 ($p = 0$)
Ты к другому	0.5 ± 0.12	0.6 ± 0.18	0.6 ($p = 0$)
Имена	0.6 ± 0.13	0.8 ± 0.20	0.7 ($p = 0$)
Мы	0.8 ± 0.11	1.4 ± 0.31	0.3 ($p < 0.006$)
Мне/меня	3.8 ± 0.37	5.0 ± 0.47	0.3 ($p < 0.0005$)

Таблица 2. Корреляции между частотой употребления местоимений во внутренней речи и сознательной самооценкой этой частоты

Местоимения	Собственные мысли		Мысли по Розенцвейгу	
	коэффициент корреляции	достоверность $p < \dots$	коэффициент корреляции	достоверность $p < \dots$
Я	0.26	0.002	0.25	0.002
Ты к себе	0.6	0	0.6	0
Ты к другим	0.3	0.0006	0.47	0
Мне/меня	—	—	0.36	0.002
Имена	0.5	0	0.47	0

Таблица 3. Факторные нагрузки по семи основным факторам

Переменные	Факторы						
	1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й
1. Данные контент-анализа							
Я	0.73				0.22		-0.16
Мы	0.23			-0.31	-0.43	0.36	0.15
Мне/меня	0.32				0.18	0.18	
Ты общее		-0.81					0.26
Ты к себе		-0.75	-0.30	0.18			
Ты к другим		-0.52	0.28	-0.19			0.37
Имена		-0.36	-0.50	0.19			
2. Характеристики образной сферы							
Диссоциация		0.31			-0.28	-0.44	-0.24
Расхождение		-0.25		0.22	-0.38		0.39
Необъективированность	0.18	-0.35	0.51	-0.36	0.39	-0.15	
Панорамность	0.15				0.17	0.86	
Слева-справа			-0.56	-0.25		-0.42	
Вверх-вниз	-0.35		0.27	0.21			
Вперед-назад	0.16	0.35		0.56		-0.18	0.26
Сцепление			-0.14	0.53			
Структурированность	-0.35		-0.23	0.63	0.20	-0.15	0.20
3. Реакции по тесту Розенцвейга							
Эмпунитивная			-0.47	0.24		-0.19	-0.26
Инпунитивная			0.22		-0.16		0.76
Импунитивная		0.26	0.25		-0.27		-0.52
Фиксация:					0.67	0.15	-0.39
на препятствии					-0.66	-0.17	
на самозащите							0.78
на достижении цели			-0.24				
4. Показатели самооценки							
Образность				-0.24	-0.26	0.60	
Вербальность	-0.25		0.75		-0.25		-0.27
Мысленная критика	-0.31	-0.45	-0.31			-0.31	-0.24
Мысленное одобрение		0.29	0.58		0.34		
<i>Типы мысленной речи</i>							
монолог	-0.31			-0.64			
разговор с собой	-0.40		0.29	0.16		-0.52	
рассказ ни к кому	0.25	-0.41		-0.48	-0.28		
диалог				0.16	-0.70		
рассказ кому-то	-0.29			0.59	-0.31		
сложный диалог	0.21	-0.31	0.20	0.57	-0.25	-0.25	0.35
<i>Местоимения</i>							
о себе: Я	0.13		0.61			-0.31	-0.16
Ты		-0.74		0.16	-0.35		
Мне	-0.53	-0.27			-0.34		
без местоим.	-0.74		-0.17				
о других: Ты (Вы)	-0.13	-0.28		0.53	-0.50	-0.19	
Они	-0.84		0.15		0.15		
Имена	-0.17	-0.70		-0.32	-0.20		
“голоса”				0.2		0.76	

ные формы *мне/меня* (0.32)) и местоимение *мы* – обычно в значении *я* (0.23).

На уровне образной сферы. Отрицательный вклад переменных, относящихся к будущему вреду, показатель “структурированность линии будущей перспективы по К.А. Абульхановой [1] (–0.35). Слабые положительные нагрузки у областей внешнего пространства, относящегося к настоящему времени (образцы впереди себя, вокруг себя, “внутри головы”).

Самооценка. Испытуемые не замечают у себя преобладания местоимения *я* (вклад *я* близок к нулю), однако активно отвергают все другие неформы *мне/меня* (–0.53), безличные предложения (–0.73). Другие люди отвергаются в форме *он/она* (–0.84).

Данному состоянию несвойственна самокритика (–0.34).

Взаимодействие с миром. Не выражено, т.е. испытуемые в данном состоянии склонны обращать минимум внимания на внешний мир.

Таким образом, этот фактор характеризует самое распространенное психическое состояние, которое можно представить как размышление субъекта о самом себе в настоящем времени.

2-й фактор – размышление о другом. Составлен из переменных с отрицательными значениями. Он характеризует состояние, второе по пространственности в данной выборке. Однако это состояние, выраженное через переменные с отрицательным вкладом, является противоположным первому и располагается в другой плоскости. Поэтому основная характеристика этого состояния выражена отрицательными показателями.

Вербальная сфера. Доминирование *ты* (высокая отрицательная нагрузка переменных *общее употребление местоимения ты* (–0.81), *употребление ты по отношению к себе* (–0.75), *употребление ты по отношению к другим* (–0.52), *имена* (–0.36)).

Результаты исследования [5] показали, что некоторые испытуемые по собственной инициативе давали имена персонажам теста Розенцвейга, вспоминая свои мысли, они также называли других по именам (“Зайду-ка я к Наташке и спросу”). Другие испытуемые предпочитали в этих случаях использовать местоимения или абстрактные существительные (“Позвоню-ка я одному моему другу и приглашу его...”).

Образная сфера. Характеристики дивергентного мышления (слабый отрицательный вклад переменной *расхождение линии будущего* (–0.25)), а также *необъективированность* (–0.35). Положительный вклад *диссоциации* (0.31) и *расположение образов по направлению вперед-назад* (0.35).

Самооценка. Диалог и рефлексия: отрицательный вклад диалогичных форм внутренней речи (рассказ, ни к кому конкретно не обращенный (–0.41), и сложный диалог (–0.31)); местоимений *ты к себе* (–0.74) и *к другому* (–0.28), *Имен* (–0.70). Этому состоянию не характерно мысленное одобрение самого себя (положительный вклад соответствующей переменной (0.29)) и свойственна мысленная самокритика с отрицательным вкладом (–0.45).

Взаимодействие с миром. Незначительно отвергается идея несубъектности (вклад импунитивной реакции (0.26)).

Таким образом, данное состояние противоположно всем другим, и, главным образом, первому (самовыражению *эго*). Из переменных с отрицательными показателями складывается состояние, в котором активно присутствуют *другие*, при этом особенно выражены творческие характеристики самого субъекта (диалогичность мышления, расходящаяся линия будущего).

3-й – необъективированность мысленных образов. Фиксация на себе.

Образная сфера вносит максимальный вклад в этот фактор. Наибольшее значение у переменной *необъективированность образа* (0.51). Испытуемые в этом состоянии представляют образы в пространстве не субъективно внешнем, а внутреннем, “внутри головы”; другое расположение отвергается: “слева-справа” (–0.56). Показатели когнитивной и личностной перспективы вносят отрицательный вклад: *структурированность линии будущего* (–0.23).

Вербальная сфера. Диалогичный стиль мышления: положительный вклад переменной *употребление ты по отношению к другим* (0.28). Однако эти *другие* присутствуют как местоимения или абстрактные существительные, а не как имена (–0.50). По отношению к самому себе *ты* не употребляется (–0.30).

Самооценка. Испытуемые адекватно оценивают некоторые свои особенности: развитие сферы *вербальность* (0.75), *разговор с собой* (0.29), сложный диалог *рассказ другого о себе кому-то третьему* (0.20). Сложнее связь самооценки с другими особенностями: высоко оценивается употребление *я* (0.61), хотя на самом деле *я* для этих людей действительно играет важную роль, но не как структура мысленной речи, а как область внутреннего пространства, где располагаются часть (или все) внутренних образов.

Мысленная критика отвергается (–0.31), мысленное одобрение принимается (0.52).

Взаимодействие с миром. Фиксация на себе, отвергается эмпунитивная реакция, т.е. направленная на внешнее окружение субъекта (–0.47). Присутствуют: импунитивная – направленная на

себя (0.22) и импунитивная – направленная на ситуацию (0.25) реакции. Отсутствует фиксация на достижении цели (–0.25).

Таким образом, в этом состоянии субъект сосредоточен на себе, своих достоинствах, недостатки отвергаются, мысленные образы представляются внутри себя (“внутри головы”). Данное состояние характеризуется хорошо развитой внутренней речью, диалогичным мышлением (признак креативности), но целеволевые характеристики развития не получают. Внешнее окружение, будучи хорошо представлено в мысленной речи, отвергается (не понимается или не принимается). В целом, необъективированность образной сферы проявляется в общих сложностях с самореализацией личности вовне. В этом состоянии наблюдается своеобразное “пересечение” вербальной и образной сфер: представление образов “внутри себя” (внутри Я) создается испытуемыми, которые полагают, что они очень много употребляют в речи местоимение я (что на самом деле не совсем так).

4-й фактор – планирование будущего. Фактор целеволевых характеристик.

Образная сфера. Выражены показатели, характеризующие проработанность когнитивных и личностных перспектив; *структурированность линии будущего* (0.53) и *сцепление между образами будущего* (0.53). Образы будущего представляются на наиболее субъективно важных направлениях: впереди от себя (0.56), вверх от себя (0.21). Линия будущего частично расходящаяся – слабый положительный вклад переменной *расхождение линии будущего* (0.22), что является показателем “обилия” планов на будущее и дивергентным подходом к решению проблем. Образы объективированы: отрицательный вклад показателя *необъективированность образов* (–0.36). Рассмотренные характеристики образной сферы по данным нашей предыдущей работы связаны с развитием целеволевых характеристик личности [4].

Вербальная сфера. Вклад вербальных показателей невелик, развитие целеволевых качеств возможно при любых формах мысленной речи. Небольшой отрицательный вклад местоимения *мы* (–0.31).

Самооценка. Роль осознания велика. В этом состоянии испытуемые осознают у себя наличие диалогичных форм мышления: *рассказ другому* (0.59) и *сложный диалог* (0.57); местоимения *ты* и *к другому* (0.52) и *к себе*.

Взаимодействие с миром. В слабой форме наблюдается эмпунитивная реакция – направленная на окружение (0.24).

Таким образом, данный фактор связан с проработанностью когнитивной и личностной перспектив и развитием целеволевых характеристик

личности. Вероятно, этот фактор характеризует состояние планирования будущего и воплощение планов. Важно отметить, что планы, принимаемые в этом состоянии, скорее всего, реалистичны.

5-й фактор – фиксация на препятствии. Чувство одиночества.

Максимально осознанное состояние. Наибольший вклад в него внесли именно переменные осознания и взаимодействия с окружающим миром.

Взаимодействие с миром. Выражена фиксация на препятствии (0.67). Высокий отрицательный вклад переменной *фиксация на самозащите* (–0.69) и импунитивной реакции (надежда, что все само собой уладится) (–0.27).

Самооценка. Отвергаются другие, особенно как субъекты: как *ты* (–0.50), как *имена* (–0.20); отрицательный вклад также у диалогичных форм мысленной речи: диалог (–0.70), рассказ *другому* (–0.31) и др. Отвергается местоимение *ты* по отношению *к себе* (–0.35).

Состоянию свойственно мысленное одобрение (0.34).

Вербальная сфера. Также отвергаются другие, особенно в виде *мы* (–0.43), в слабой форме присутствует местоимение *я* (0.22).

Образная сфера. Выражены “нетворческие” характеристики будущего (отрицательный вклад показателя “расхождение” (–0.38)). Присутствуют необъективированные образы (0.39).

Таким образом, данное состояние определяется нами как фиксация на препятствии, проявившаяся в нашей выборке во взаимодействии своего *я с другими*. Из неосознаваемых показателей мышления наибольший вклад (с отрицательной нагрузкой) вносит местоимение *мы* во внутренней речи. Состояние, которое соответствует данному фактору, было определено нами как *фиксация на одиночестве*, подчеркнутый *антиколлективизм*. В таком состоянии отвергается возможность взаимодействия и разрешения фрустрирующей ситуации, подчеркивается собственное одиночество (“никто никому не нужен”), что для нашей выборки, наполовину состоящей из студентов 17–20 лет, вполне естественно.

6-й фактор – панорамные образы. Чувственное восприятие окружающего мира.

Образная сфера. Максимальный вклад в этот фактор вносит переменная *панорамные образы* – огромные яркие цветные образы, расположенные вокруг индивидуума в виде панорамы (0.86). Большинство образов ассоциированы (отрицательный вклад переменной *диссоциация образов* (–0.44)), т.е. в образе испытуемый представляет картины окружающей обстановки.

Вербальная сфера. Вклад переменных, характеризующих вербальное мышление, в этот фак-

тор невелик. Со средней положительной нагрузкой в фактор входит местоимение *мы* (0.36).

Самооценка. Особенности своего состояния испытуемые оценивают адекватно: образность (0.60). Очень высок вклад в этот фактор переменной *голоса* (0.76), т.е. мысли человека озвучены, представлены в форме "голосов". Эта переменная весьма условная, поскольку относится к характеристикам мысленной речи, которые оценивал сам испытуемый. Высокая корреляция "голосов" и "панорамного типа" образов говорит о связи между богатой образной сферой (панорамные образы самые большие и яркие) и областью, наполненной звуком; происходит одновременное развитие зрительного и аудиального анализаторов ($r = 0.69, p = 0$). Звуковая выраженность мыслей никак не связана с развитием вербальной сферы, более того, наблюдается слабая отрицательная корреляция между этими показателями на уровне тенденции ($r = -0.17$).

Мысленная самокритика отвергается (-0.31). Большинство форм внутренней речи не входит в этот фактор. Вклад *разговора с собой* (-0.52) и *сложного диалога* (-0.25) отрицательный, вероятно, потому, что при чувственном восприятии мира роль второй сигнальной системы незначительна.

Несмотря на то что употребление местоимения *я* (-0.31) отвергается, реально же испытуемые употребляют *я* с обычной частотой для своей выборки. Это мнение объясняется тем, что в своих образах они не видят себя (ассоциированные образы). Подобно фактору 3, здесь пересекаются образная и вербальная сферы: образное представление (отсутствие образа *Я*) осознается как вербальное (отсутствие местоимения *я*).

Взаимодействие с миром не выражено. Существует незначительная фиксация на препятствии.

Таким образом, данный фактор можно считать устойчивым состоянием – личностной особенностью, выражающейся в представлении панорамных образов. В этом состоянии доминирует чувственный слой психического: представляются яркие образы, речь звучит в виде голосов. Такому состоянию свойственна некоторая незначительная фиксация на препятствии.

7-й фактор – фантазии. Наиболее творческое состояние.

Вербальная сфера. Диалогичность. Во внутренней речи присутствует местоимение *ты* (0.26), особенно по отношению к другому (0.37).

Образная сфера. Наличие творческих показателей: линия будущего расходящаяся (положительный вклад соответствующей переменной (0.39)), что свидетельствует о дивергентном подходе к планированию будущего и решению проблем.

Самооценка. Вклад невелик. Во внутренней речи отмечается сложный диалог (0.35); отрицательный вклад самокритики (-0.24).

Взаимодействие с миром. В этом состоянии человек очень сильно связан с миром: вклад переменных, характеризующих взаимодействие, весьма велик. В значительной степени выражена инпунитивная реакция (0.76), т.е. испытуемый воспринимает себя как активного субъекта фрустрирующей ситуации, ответственного за удачу и неудачу. Инпунитивная (несубъектная) (-0.52) и эмпунитивная (направленная на внешнее окружение) (-0.26) реакции активно отвергаются. Также активно отвергается фиксация на препятствии и значительно доминирует (0.78) ориентация на достижение цели и разрешение проблемной ситуации.

Таким образом, данное состояние испытуемый воспринимает не только как творческое, но и как возможность достижения любой цели; при этом препятствия рассматриваются как несущественные ("нет такого безвыходного положения, из которого нельзя найти выхода"); сам же себя человек представляет сильным и активным, способным достичь любых вершин.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Психические состояния. Исходя из принципа представления психического как процесса, характеризующегося "непрерывностью 1) возникновения, 2) формирования и 3) развития всех этапов в их взаимной внутренней связи" [9, с. 358], мы предположили, что внутренняя психическая жизнь индивида есть совокупность переходящих друг в друга состояний, каждому из которых должно быть свойственно свое особое протекание процессов мышления (вербального и образного), уровень рефлексии – осознания себя и особенности взаимодействия с миром в текущий момент. В сформированную нами матрицу вошли: характеристики мышления (особенности внутренней речи, качественные параметры образной сферы); переменные, отражающие способ взаимодействия субъекта с миром в текущий момент (реакции Розенцвейга); рефлексивные переменные, связанные с осознанием субъектом своей психической индивидуальности. Разумеется, эти показатели далеко не исчерпывают всего многообразия психического, однако они могут дать некоторое представление о течении психических процессов.

Факторный анализ позволил свести всю совокупность выбранных показателей к семи основным факторам, отражающим состояния психических процессов, каждое из которых было представлено в выборке испытуемых с определенной частотой. Поскольку психическое как процесс характеризуется непрерывностью, то эти же фак-

торы можно рассматривать и как ряд последовательных состояний, в принципе возможных для каждого человека. Разумеется, предлагаемая схема условна, поскольку, во-первых, это далеко не все возможные состояния (факторы описывают чуть больше 50% дисперсии), во-вторых, в каждое из них может входить множество субсостояний. Поэтому, например, *самовыражение эго у одного человека отличается от самовыражения эго у другого*, но в любом случае оно останется размышлением "о себе любимом" в настоящем времени.

Некоторые из таких состояний сознания легко изменяются и переходят в другие: например, фиксация на препятствии (5-й фактор) и фантазии (7-й). При фиксации на препятствии испытуемый пребывает, с одной стороны, в состоянии "как все плохо", с другой, мысленно хвалит себя (для нашей молодежной выборки это, вероятно, состояние "никто меня не любит такого хорошего"). В фантазиях, наоборот, индивид ощущает себя максимально раскрепощенной и творческой личностью, все у него получается и все препятствия преодолимы. Ни одно из этих двух состояний не может длиться долго, и, вероятно, с той или иной частотой их ощущал каждый.

Как уже было показано ранее [4], формальные характеристики мысленных образов являются достаточно стабильными показателями, поэтому состояния, связанные с необъективированными (3-й фактор) и панорамными образами (6-й), близки к личностным чертам, т.е. они либо свойственны данному испытуемому, либо нет. Но и в этом случае мы можем говорить о состояниях сознания, только об очень стабильных, поскольку, будучи недоступными в обычных условиях, они могут проявляться в других ситуациях. Например, в сновидениях люди, не обладающие образным мышлением, видят панорамные образы, а значит, им доступно состояние чувственного восприятия мира.

Взаимосвязь мысли и образа. Данное исследование показало, что наблюдается определенная взаимосвязь между образной сферой и вербальной: некоторая информация, представленная в образной форме, осознается как вербальная, и наоборот. Например, испытуемые осознавали представление образов в субъективно внутреннем (внутри себя) пространстве как высокую частоту употребления в мысленной речи местоимения *я*, хотя на самом деле в этом состоянии реального увеличения *я* в речи не происходило (3-й фактор). Наоборот, представляя ассоциированные образы (картины только окружающей обстановки), испытуемые занижали у себя величину местоимений *я*, хотя на самом деле количество местоимений первого лица в этом состоянии не уменьшалось. А объяснение простое: в мыслен-

ных картинах отсутствовал образ самого себя (6-й фактор). Этому же состоянию была свойственна некоторая фиксация на препятствии во взаимоотношениях с миром, возможно, просто потому, что препятствие здесь представлялось в виде ярких огромных образов, окружающих человека со всех сторон.

Психические состояния и творчество. Связь мышления и творчества изучали многие исследователи. В наиболее общей форме эта проблема представлена в концепции Гилфорда, предполагающей существование двух форм мышления: дивергентного (творческого) и конвергентного (репродуктивного) [26]. В работе [4] рассмотрена связь дивергентного мышления с особенностями представления человеком образов своего будущего (расходящейся линией будущего). Для вербальной составляющей известна связь диалога с творческой деятельностью [8], с решением сложных интеллектуальных задач [18]. Взаимоотношения *я-ты (другой)* связаны с духовностью (М. Бубер, В.П. Зинченко), с усложнением личностной структуры [1]. По мнению В.Н. Дружинина, "условием перехода от подражания к самостоятельному творчеству является идентификация с Другим – образцом творческого поведения" [16, с. 145].

Исходя из этих характеристик творчества (расходящаяся линия будущего, диалог, местоимение *ты* по отношению к другому), в нашей работе мы выделили три фактора, которые можно считать условно творческими.

2-й фактор. Состояние **размышление о другом**, описываемое этим фактором, является максимально чуждым наиболее распространенному в нашей выборке состоянию *самовыражение эго* (переменные из первого фактора не вошли во второй, и наоборот); они существуют абсолютно независимо друг от друга и "тянут" человека к двум противоположным крайностям: абсолютному эгоцентризму и к фиксации на *другом* (или в случае диалога с собой – к проблемам с самоидентификацией). "Грань", разделившая эти состояния, – форма мышления: диалог или монолог. В этом состоянии представлены творческие характеристики вербальной и образной сфер (диалог, расходящаяся линия будущего).

4-й фактор – планирование будущего. Здесь характеристики творчества на неосознаваемом уровне выражены слабее, однако их компенсирует структурированность и "сцепление" линии будущего, которые, согласно данным нашего предыдущего исследования [4], говорят о развитии у испытуемых целеволевых качеств, когнитивной и личностной перспектив (по К.А. Абульхановой [1]). Как нам кажется, в этом состоянии испытуемые наиболее активны, деятельны; деятельность

их нацелена на будущее и приносит плоды (результативность).

7-й фактор – фантазии. С фантазиями связан сложный диалог (особая форма внутренней речи, представляющая рассказ *другого* человека о размышляющем субъекте кому-то *третьему*). Мы предположили [5], что со сложным диалогом связана способность человека перемещать фокус осознания собственной личности в интроецированного *другого* (один из наших испытуемых остроумно назвал эту способность триопсихологичностью). Это же свойство личности может быть ответственно за понимание и принятие *других* в свое психологическое пространство, например, в качестве субличностей, в том числе и в описанной В.Н. Дружининым ситуаций формирования творческой личности, обеспечивая “эмоциональное приятие другой личности в качестве образца” [16]. Поскольку принятие *другого* во многом происходит на эмоциональном уровне, можно предположить – по аналогии с дивергентным мышлением по Гилфорду [26] – существование дивергентного чувствования (эмоций), тем более, что, согласно К.Г. Юнгу [24], мышление и эмоции (чувства) являются двумя смежными функциями. Следовательно, существующие формы мышления (ковергентное и дивергентное) могут иметь аналоги и для эмоциональной функции.

ВЫВОДЫ

Проведенное нами исследование подтвердило основную гипотезу о том, что формальные характеристики мысли (в форме внутренней речи) и образа (особенности представления мысленных изображений прошлого, настоящего и будущего) могут стать информативными показателями внутренней жизни индивидуума.

Исходя из теории психического как процесса, мы интерпретировали факторы, выделенные нами с помощью факторного анализа, как семь наиболее частых состояний, характеризующих отдельные моменты непрерывного психического процесса. **Первый фактор – самовыражение эго** – составили размышления человека о самом себе, отнесенные к настоящему времени; его особенности: монологичное мышление и доминирование во внутренней речи местоимения *я*. **Второй фактор – размышления о другом** – характеризовался диалогом, доминированием местоимения *ты* и выраженностью ряда творческих показателей образного и вербального мышления. **Третий фактор** был связан с преобладанием в образной сфере **необъективированных образов**, т.е. с представлением образов в **субъективно внутреннем пространстве (“внутри головы”)** и некоторой концентрированностью человека на своей персоне. **Четвертый фактор** относился к **планированию будущего** и включал в себя размышления о будущем,

его планирование и воплощение планов. **Пятый фактор** представлял собой **фиксацию на препятствии** и ощущении собственного одиночества; на сознательном уровне отвергалось местоимение *ты*. **Шестой фактор** – чувственное восприятие мира, которое выражалось появлением **панорамных образов** и озвученным представлением мыслей (мысли в виде голосов). **Седьмой фактор** характеризовал **творческую раскрепощенность и фантазии** и, вероятно, был связан с особенностями эмоционального чувствования, названными нами (по аналогии с мышлением) дивергентными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегии жизни. М.: Мысль, 1991.
2. Андреас К., Андреас С. Измените свое мышление и воспользуйтесь результатами. Новосибирск, 1993.
3. Бендлер Р., Гриндер Д. Формирование трансa. М.: Каас, 1994. С. 249–250.
4. Березина Т.Н. Методики исследования глубинных особенностей личности. М.: Изд-во ИП РАН, 1997.
5. Березина Т.Н. Я и Другой во внутренней речи // Психология личности. Новые исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. С. 259–281.
6. Березина Т.Н. Интрапсихический пространственно-временной образный континуум как субъективная реальность // Психология личности. Новые исследования. М.: Изд-во ИП РАН, 1998. С. 192–209.
7. Березина Т.Н. Пространственно-временные особенности мысленных образов и их связь с особенностями личности // Психол. журн. 1998. Т. 19. № 4. С. 13–26.
8. Библер В.С. Творческое мышление как предмет логики (проблемы и перспективы) // Научное творчество. М., 1969. С. 167–220.
9. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. М.–Воронеж, 1996.
10. Веккер Л.М., Ломов Б.Ф. О чувственном образе как изображении // Вопросы философии. 1961. № 4. С. 47–59.
11. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке об языке. М.: Лабиринт, 1993.
12. Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1982.
13. Годфруа Ж. Что такое психология. М.: Мир, 1992. Т. 1.
14. Гостев А.А. Образная сфера человека. М., 1992.
15. Григоровская Н.Ю. Типологические особенности времени личности // Психология личности. Новые исследования. М.: Изд-во ИП РАН, С. 222–239.
16. Дружинин В.Н. Психология общих способностей. М.: Ланterna вита, 1995.
17. Дружинин В.Н. Структура и логика психологического исследования. М., 1994.
18. Кучинский Г.М. Диалог и мышление. Минск: Изд-во БГУ, 1983.
19. Рубинштейн С.Л. Основы психологии: В 2 т. М., 1989. Т. 1.

20. Рубинштейн С.Л. Мышление. Язык. Речь // Вопросы языкознания. 1957. № 2.
21. Ушакова Т.Н. Системный подход и дискурсивная психология // Труды Института психологии РАН. М.: Изд-во ИП РАН, 1997. Вып. 2. С. 107–113.
22. Холл К., Линдсей Г. Теории личности. М.: КСП+, 1997. С. 137–191.
23. Цветкова Л.С. Мозг и интеллект. М.: Просвещение, 1995.
24. Юнг К.Г. Психологические типы. СПб.: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995.
25. Anderson J.R. Cognitive psychology. San Francisco: Freeman, 1990.
26. Gilford J.P. The nature of human intelligence. N.Y., 1967.
27. Pylyshyn Z. The imagery debate: Analogue media versus tacit knowledge // Psychological Review. 1981. V. 88. P. 16–45.
28. Sullivan H. The fusion of psychiatry and social science. N.Y.: Norton, 1964.

STUDY OF HUMAN INTERNAL WORLD BY ANALYSIS OF CHARACTERISTICS OF THOUGHT AND IMAGE

T. N. Berezina

Cand. sci. (psychology), docent, Institute of contemporary business, Moscow

Original approach to description of human mental states based on the technique of analysis of formal characteristics of thinking is proposed. Space-time characteristics of mental images are studied; pronouns used in inner speech in relation to oneself (I and You) and other person (I, You, He/She and names) are defined. Seven different states often observed in student sample were revealed with factor analysis. They are self-expression (thinking about self in present time), thinking about other person, fixation in the self with predominance of non-objective mental images, planning of future, fixation on obstacle (sense of loneliness), sensitive enjoyment of world, fantasy. The possibility of transformation of psychological information from image to verbal form and vice versa is shown. The phenomenon of divergent thinking is considered along with divergent sense.

Key world: mental states, thinking, inner speech, pronouns, mental images.